

КОМПЕНСАЦИЯ НЕУДАЧИ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРЕМЛЕНИЯ К АВТОНОМИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Т. А. Будневская, Т. С. Стоделова, Н. Е. Харламенкова

Постановка проблемы

Существует вполне устоявшееся мнение, согласно которому подростковый возраст является достаточно интенсивным периодом жизни, предъявляющим особые требования к личности и ее активности, к умению перестраивать и пересматривать прежние мнения и оценки. Изменение личностной позиции обусловлено прежде всего влиянием той физической трансформации, которая происходит с подростком на данном этапе жизни. При этом отмечается, что в современных исследованиях «все более усиливается тенденция различать пубертат (соматический) и отрочество (аффективное и межличностное)» (Бержере, 2001, с. 60). Действительно, в подростковом возрасте связь соматического и психического становится наиболее очевидной и имеет тенденцию обнаруживать себя в самых разнообразных формах. Однако нередко происходит так, что интерес исследователя ограничивается областью психических феноменов, которые анализируются относительно независимо от динамики телесного, соматического. В настоящей работе этот разрыв будет частично преодолен.

В период пубертата человек наиболее остро ощущает потребность в том, чтобы разрушить родительские идентификации и упрочить свою индивидуальность, подчеркнув самостоятельность, независимость, автономность. Подростковая автономность проявляется в демонстрации взрослости при недостаточно развитой внутренней независимости личности. Согласно мнению Е. В. Кумыковой, *под внутренней независимостью личности* следует понимать эмпирическую

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-06-00301а.

(т. е. реализуемую) свободу, организующую автономность и целостность жизненного пути личности как субъекта жизнедеятельности (Кумыкова, 2010). Изучая внутреннюю независимость женщин молодого и зрелого возраста, автор отмечает, что она сопряжена с полоролевой идентификацией, со степенью зрелости личностной идентичности, с реализацией потребности в автономии и с активностью жизненной позиции.

Маргарет Малер, исследуя начальные фазы в формировании Эго, показывает, что при всех благоприятных условиях взросления весьма редко встречается равномерно прогрессирующее личностное развитие. Она связывает эту особенность взросления с тем, что «сепарация–индивидуация» как процесс психического рождения индивидуума является производным и зависит от «симбиотических истоков человеческого состояния, а именно от симбиоза с другим человеческим существом» (Малер, Пайн, Бергман, 2011, с. 319). Цель, которая должна быть достигнута в процессе сепарации–индивидуации, состоит в достижении определенной константности объекта и константности Я, а также в приобретении двух уровней идентичности: 1) осознания себя как отдельного целостного существа и 2) появления признаков осознания гендерной самоидентичности. Стремление принять свою отдельность нередко наталкивается на препятствия, фрустрируется из-за страхов, характерных для раннего детского возраста. Это – страх потери объекта, страх потери любви, сепарационная тревога и страх кастрации. Установление ментальных репрезентаций Я как однозначно отдельных от репрезентаций объекта («внутренней матери») открывает путь к формированию самоидентичности. Из этого следует, что на последующих стадиях развития личность заново ставит и решает проблему своей автономии, но уже в соответствии с новыми социальными ориентирами. Наиболее активно в связи с этой проблемой обсуждается подростковый возраст.

В период пубертата наблюдаются колебания между острой потребностью в социальных контактах и желанием уединиться, между отвержением одиночества и стремлением к интимности. Ф. Жамме пишет, что одной из особенностей регуляции подростками отношений с другими людьми являются «колебания между тревожностью, обусловленной страхом сепарации, и тревожностью, обусловленной страхом перед вторжением других в их внутренний мир» (Жамме, 2007, с. 47). Согласно автору, общим знаменателем, связывающим разнообразие особенностей подросткового периода, является фе-

номен зависимости. «Субъект, психическое равновесие которого существенно зависит от его взаимоотношений с внешними объектами и от специфических установок этих объектов, может рассматриваться как зависимый» (там же). Нетрудно в связи с этим заметить, что подростковый возраст является повторением процесса сепарации – индивидуации, развертывающегося, согласно М. Малер, от рождения до трех лет, или кульминацией борьбы за автономию. Ряд авторов рассматривает зависимость как обращение к внешней реальности с целью защиты от истощенной или угрожающей внутренней психической жизни. Именно поэтому сепарация обусловлена целым рядом факторов, которые в своей совокупности определяют готовность субъекта к отделению с целью достижения автономии. Диффузия идентичности, чувство неуверенности и беспомощности, неспособность получать удовольствие от собственной деятельности вынуждают подростка искать поддержку у другого человека, которая, в свою очередь, препятствует обращению к внутреннему диалогу и структурированию Эго-идентичности. Возникает порочный круг: эмоциональная зависимость входит в прямое противоречие с потребностью отстаивать свою автономию. Для формирования чувства автономии необходимо, согласно Ф. Жамме, повышение ценности Я за счет получения удовольствия от успешной работы, подкрепление подростка в самоисследовании и попытках дифференциации Эго, прояснение и адекватная символизация чувств и ожиданий, которые угрожают развитием деструктивных фантазий.

Согласно Э. Эриксону, для перехода на новый уровень развития личность должна достигнуть определенной психофизиологической зрелости, а общество – быть готовым предоставить ей новые возможности, по отношению к которым устанавливаются новые ориентиры. Иными словами, для развития автономии необходимо, во-первых, достижение подростком определенного психофизиологического статуса, который служит для окружающих признаком готовности человека к изменению. Во-вторых, общество не только фиксирует эти изменения, обнаруживает их, но и изменяет свое отношение к повзрослевшему ребенку, предлагая ему новые способы функционирования и одновременно запрещая использовать прежние. По мнению Ф. Дольто, запрет на прежние способы удовлетворения потребности¹ связан с закономерностями развития ребенка

1 Например, отлучение от груди к концу первого года жизни ребенка является необходимой мерой, которая переживается им как запрет, или, в терминологии Ф. Дольто, как оральная кастрация. Дольто по-

и может приводить как к проблемам в развитии, так и к новым достижениям. Если запреты правильно символизируются, объясняются ребенку родителем, который предлагает ему новые способы взаимодействия, то развитие, согласно Дольто, идет по пути сублимации; если же запреты не обсуждаются, то невольно ведут к страданию и к серьезным отклонениям в развитии. «Автономия ребенка по отношению к имеющим права инстанциям в пространстве безопасности – это завоевание чувства свободы, чувства, неотделимого от чувства быть человеческим существом» (Дольто, 2006, с. 242).

Итак, условиями развития автономии являются: 1) психофизиологическая готовность подростка к автономии и 2) готовность окружения принять это условие (быть терпимым по отношению к ребенку, по Ф. Дольто), предоставив подростку возможность иметь это чувство и развивать его в себе. Несмотря на общую осведомленность родителей и общества в целом о принципиальной важности подросткового периода в личностном развитии, отмеченные нами условия развития автономии не всегда соблюдаются. Прежде всего это касается психологической готовности подростка, а также установок родителей и других взрослых людей на возможность предоставления ему самостоятельности; свои ограничения накладывает и дизонтогенез. Остановимся на этих данных подробнее и рассмотрим различные способы и пути достижения автономии при наличии серьезных фрустрирующих обстоятельств.

Психофизиологический статус подростка и развитие автономии

Одной из проблем подросткового возраста является формирование половой идентичности. Новый физический статус подростка тесно связан как с предъявлением обществом новых социальных ориентиров, так и с реконструкцией представлений о себе под влиянием отраженного самоотношения.

казывает, что при отлучении от груди мать сама должна быть готова к иной коммуникации с ребенком, открывая ему новые возможности – «это введение ребенка, отделенного от абсолютно необходимого присутствия матери, в связь с другим: ребенок попадает в условия речевого поведения, которые ему позволяют принять присутствие любого человека, с которым мать поддерживает хорошие отношения и с кем он сам развивает возможности для коммуникации, открытые в коммуникации с матерью или отцом и развитые с другими» (Дольто, 2006, с. 94).

Значение половой идентичности для систематизации представлений о себе до сих пор активно обсуждается в научной литературе. Так, Р. Бернс считает, что осознание себя как представителя определенного пола не имеет большого веса в Я-концепции взрослого человека (Бернс, 1986). С другой стороны, Ф. и Р. Тайсоны, например, уделяют этому фактору серьезное внимание, указывая на то, что в разные возрастные периоды наблюдается то увеличение, то снижение веса половой идентичности в самоидентичности в целом (Тайсон Ф., Тайсон Р., 1998).

Формирование половой идентичности происходит под влиянием различных факторов, одним из которых является биологическая детерминанта. Существует мнение, «что роль биологических процессов состоит в согласовании между собой хромосомного, гормонального, морфологического и социального факторов, в совокупности определяющих нормальное развитие чувства половой идентичности» (Баттерворт, Харрис, 2000, с. 304).

Известны работы, в которых исследуется связь раннего полового созревания, ускоренного развития с особенностями поведения и психологии подростка. Показано, например, что при раннем половом созревании девочки склонны к различным поведенческим девиациям, например, к курению и употреблению алкоголя, при этом фиксируемые аддикции не связаны с личностными особенностями и с особенностями взаимодействия внутри группы сверстников, но определяются местом проживания подростков. Обнаружено, что выявленные особенности наблюдаются у девочек, живущих в городе (Dick et al., 2000). Аналогичные результаты получены в исследовании К. Хардена и Дж. Мендела. Оказалось, что девочки с признаками раннего полового созревания склонны не только к девиантному, но и к делинквентному поведению (Harden, Mendle, 2011). Дж. Бельски с соавт. обнаружили, что при наличии у девочки признаков раннего полового созревания увеличивается риск делинквентного поведения, алкогольной и наркотической зависимости, интенсифицируется сексуальное поведение. Выявленные эффекты проявляются при условии выраженной агрессии у матери (Belsky et al., 2010).

Можно сказать, что проблемное поведение является реакцией на зависимость подростка от родителя и выступает своеобразным барьером между самим подростком и объектами его привязанности. Оно демонстрирует выраженную потребность подростка в общении, но не оставляет возможности для спонтанного взаимодействия с другими людьми, которое начинает приобретать искусственный,

предопределенный характер (Ф. Жамме). Отыгрывающее и аддиктивное поведение проявляется как своеобразная компенсация сепарации, к которой подросток оказывается не готовым.

При задержках полового развития, наоборот, потребность в автономии не выражена, но некоторые эмоциональные и поведенческие эффекты также наблюдаются. Прежде всего, имеются в виду хромосомные аномалии, которые в подростковом возрасте приводят к дисфункциям, вызванным дисгенезией гонад. Такой аномалией является синдром Шерешевского–Тернера, при котором наблюдается психофизический инфантилизм, проявляющийся в сочетании инфантильных черт во внешнем облике (низкий рост, диспластичность телосложения) и в психике (склонность к фантазированию, детские реакции на окружающий мир, поверхностные незрелые суждения, неустойчивые интересы, недостаточно мотивированные поступки) (Райская, 2000). Кроме того, у них наблюдаются признаки дезадаптированности, характерные для субъектов, находящихся на более ранних стадиях развития (Харламенкова, Стоделова, 2000).

Родители девочек с синдромом Тернера склонны проявлять повышенную гиперопеку и контроль, которые, с одной стороны, формируются на фоне проявлений симптомов заболевания (низкий рост, инфантильные черты во внешнем облике и поведении, отсутствие пубертата) (Райская, 2000; Харламенкова, Стоделова, 2000) и являются реакцией на беспомощность дочери, а с другой – возникают под влиянием чувств вины и гнева, являющихся следствием оценки ими меры своего вклада в болезнь ребенка. Наблюдается и другая крайность. Это – депривация и отчуждение со стороны родителей. И в первом, и во втором случае данные варианты развития отношений способствуют снижению уровня социальной адаптации подростка, усиливают тревогу, страх, подозрительность, ипохондрию и, в свою очередь, препятствуют переходу детско-родительских отношений на качественно новый уровень, необходимый для дальнейшего развития личности. Тем самым затрудняется процесс психологической, эмоциональной сепарации подростка от родителей, что является препятствием на пути поиска и обретения собственной идентичности, целостности и независимости. Похожие данные были получены при исследовании семей с детьми, больными диабетом, и с детьми – спинальными больными (Butner et al., 2009; Friedman et al., 2009).

Девочки с синдромом Тернера, согласно исследованию Н. Е. Харламенковой и Т. С. Стоделовой, находятся на более ранних стадиях

развития по сравнению со сверстниками того же возраста, но в то же время включены в социальный контекст, имеют возможность наблюдать за поведением, отношениями, изменениями у нормально развивающихся подростков, общаясь с ними, и подражать им, видя в них образцы для идентификации (Харламенкова, Стоделова, 2000). Таким образом, обнаруживается, с одной стороны, выраженная потребность в зависимости, поддержке и внимании родителей, а с другой – потребность в обретении и формировании собственной идентичности, поиск своего собственного психологического пространства, которые вступают в противоречие.

Имеются аналогичные исследования, показывающие, что нарушения репродуктивной функции у девушек (Шорина, Тринева, 2006; Малыш, 2004) влияют на их отношения с родителями. Высокая потребность в зависимости, заботе, внимании со стороны обоих родителей и одновременно конфликтность во взаимоотношениях создают препятствия на пути отделения и обретения собственной, независимой идентичности.

Наличие таких препятствий способствует появлению компенсирующего поведения, направленного на устранение напряжения, вызванного невозможностью сепарации, необходимой для дальнейшего развития. Под компенсацией понимают возмещение недоразвитых или нарушенных функций путем использования сохраненных или перестройки частично нарушенных функций (Психологический словарь, 1983). Согласно А. Адлеру, на личностном уровне компенсация направлена на устранение чувства неполноценности и может обнаруживать себя в виде невротического стремления к власти либо в форме преодоления своих недостатков путем усердной тренировки. Первый путь усиливает чувство неполноценности, второй – ее снижает или даже устраняет. У девочек с синдромом Тернера компенсаторная функция проявляется в виде чрезмерного контроля ситуации (Харламенкова, Стоделова, 2000) и в несвойственных детскому возрасту степенности, рассудительности и обстоятельности, в хорошей ориентировке в практических вопросах. Однако в целом девочки с аномалиями полового развития демонстрируют, скорее, зависимость от взрослых, чем самостоятельность, что, с нашей точки зрения, подтверждает важность учета такого условия внешней и внутренней сепарации, как достижение подростком определенного психофизиологического статуса, подкрепляемого соответствующими оценками взрослых. С точки зрения юнгианской психологии, физические трансформации «захватывают» не только реальные от-

ношения, связывающие подростка и родителя, но и архетипические отношения. «Допубертат и пубертат аналогичны первым годам жизни по широте биологического разнообразия и стремлению к росту. Субъект более не узнает себя, становится чужим самому себе; старые схемы более не действуют, отсюда и происходит активизация архетипических процессов...» (Лиар, 2008, с. 138), благодаря которым Я пересматривает свои отношения с родительскими имаго¹. Однако процессы трансформации отношений интенсивнее проявляются у подростков с нормальным или ускоренным физическим развитием, готовность которых к сепарации может быть как поддержана, так и фрустрирована родителями.

Социальные условия развития подростковой автономии

Кроме дифференцированной идентичности, способности к детализированной и непротиворечивой оценке другого человека, умения проявлять свои чувства по отношению к ситуации зависимости и др., основой развития автономии является готовность близкого окружения к признанию подростка способным иметь собственную независимую позицию, свое отношение к конкретной деятельности, к другим аспектам жизни. Известно, что не все родители активно пересматривают свои отношения с ребенком, и даже наоборот – усиливают свой контроль за его действиями, вкусами, чувствами, предпочтениями. Новые потребности и желания подростков выходят за рамки семьи. Возникает своеобразный парадокс, который состоит в том, что, с одной стороны, подросток расширяет границы собственного психологического пространства, включая в него сверстников, новые увлечения и интересы, а с другой стороны – стремится к интимизации и суверенизации своего мира. Наступает понимание, что родителю можно подражать или следовать его примеру, но необходимо развивать и свою индивидуальность. Более того, существенно меняются представления о самом родителе. Подросток начинает очерчивать в психологическом пространстве матери и отца не только его Суперэго, но и Эго, т. е. те черты, которые имеет родитель как самостоятельная личность вне зависимости от реализации своих отцовских или материнских функций. Эти изменения можно рассматривать как существенный признак подростковой динамики.

---

1 Имаго (imago) – бессознательный прообраз, устойчивый стереотип, предопределяющий направленность восприятия человека.

Другим признаком развития личности в период пубертата является амбивалентность отношений с родителями, в которых проявляются как дистанцирование, отчуждение, автономность подростка, так и желание поддержки и признания взрослых. В исследовании О. П. Макушиной амбивалентность отношения подростков к родителям рассматривалась как признак высокой эмоциональной напряженности подростка и его зависимости от взрослого (Макушина, 2001). По мнению автора, причиной психологической зависимости подростков является фрустрация их потребности в самоактуализации. Зависимость реализуется в двух основных формах – в форме собственно зависимости и в форме негативизма, различающихся по характеру компенсации. В случае собственно зависимости компенсация осуществляется по типу смирения и ухода, а в случае негативизма – по типу бунта и протеста. Психологическая зависимость оказывает негативное влияние на личностное развитие подростков, в частности, определяет дисгармоничность развития их Я-концепции. Неразрешенность важнейшей задачи этого возраста – достижения психологической независимости, а именно: автономии, способности к самоуправлению, самостоятельности позиции и оценок, эмоциональной дифференцированности и установления границ личностного пространства в отношениях с родителями – приводит к искажению развития личности на последующих стадиях возрастного развития.

Вполне понятно, что важную роль в развитии самостоятельности подростка играют воспитательные стратегии родителей. В одном из исследований, проведенном на большой выборке подростков разного возраста, исследовались два вида так называемой родительской поддержки автономии (parental autonomy support) (Soenens et al., 2007). Один вид поддержки был назван «поощрение независимости» (promotion of independence – PI), а второй – «поощрение волевой активности» (promotion of volitional functioning – PVF). Оказалось, что адаптация и самоопределение подростка связаны с поддержкой волевой активности и не связаны с поддержкой независимости. Отношение родителей к подростку должно быть дифференцированным и зависеть от его готовности к сепарации. Показано, что неготовность подростка к самостоятельным решениям является сигналом к тому, что нужно использовать другие меры развития самостоятельности, а не блокировать этот процесс полностью.

Психофизиологическая и психологическая готовность к сепарации нередко ограничиваются. Контроль со стороны родителей, не-

желание принимать новые взгляды ребенка, боязнь потери душевной близости, а также страх за ребенка, связанный с неблагоприятной криминальной обстановкой в обществе, ведут к тому, что родители стараются отсрочить, «отложить» сепарацию. Исследований по проблеме авторитарности родителей и их демократичности достаточно много (Fuligni, 1998; Prinzie et al., 2009), и в целом они показывают, что контроль и высокий уровень требовательности, необоснованные претензии родителей снижают общий уровень адаптации подростков. Для благоприятного формирования самостоятельности родитель должен понимать, что функции контроля взрослого должны постепенно передаваться самоконтролю самого ребенка. Й. Раншбург и К. Поппер показывают, что целью воспитания является уменьшение внешних ограничений, необходимых на ранних этапах развития личности, и замещение их внутренними ограничениями (Раншбург, Поппер, 1983).

Ограничение стремления подростка к развитию своей личности, к сепарации нередко ведет к вычурным, гиперболизированным формам демонстрации своей самостоятельности, которые в какой-то степени компенсируют потребность в автономии. На глазах у окружающих совершаются отчаянные или безрассудно смелые поступки, чем доказывается наличие в характере определенных черт, присущих взрослым людям – силы воли, храбрости и т. д., демонстрируется взрослое поведение, направленное на получение определенного «взрослого статуса». Кроме этого, появляются признаки защитного поведения: снижается ценность желаемого, средствами проекции актуализируется агрессия, учащаются эпизоды избегания интимности, близости в общении; появляются черты негативизма и инфантильности. Последняя группа признаков прежде всего характеризует потребность подростка в зависимости, которая, наряду со стремлением к автономии, определяет специфику организации аффективно-потребностной сферы личности в этом возрасте.

Связь автономности и зависимости нередко проявляется таким особым образом, что открытость в отношениях, близость воспринимается подростком как угроза «вторжения» в его личное пространство и покушение на его независимость и сразу же отыгрываются им в форме внешней агрессии. В качестве типичных характеристик отыгрывающего поведения подростков Ф. Жамме называет нарушение пищевого поведения, употребление наркотиков, суицидальный синдром, некоторые виды отвержения, неприятие школы и др. «Инстинктивное побуждение к сближению с объек-

том начинает восприниматься не как потенциальное средство обогащения личности, а скорее как угроза, делающая личность зависимой от объекта» (Жамме, 2007, с. 55). В этом случае психическое развитие подростка требует разрешения конфликта потребностей, соединения «внешней и внутренней реальности», которые оказываются разобщенными. Одним из механизмов такого соединения может быть интроективная идентификация как «процесс, посредством которого ребенок или пациент с течением времени приобретает способность получать и принимать внешнюю поддержку и любовь со стороны окружающих его людей и обретает опыт, который дает чувство безопасности, поддержки и способствует личностному росту» (Водделл, 2007, с. 23).

Компенсация неудачи в реализации стремления в автономии – сложный и неоднозначный по своей направленности и результативности процесс. В обыденном сознании компенсация часто ассоциируется с чем-то неистинным, вторичным, суррогатным. В научной психологии компенсация трактуется как не прямое удовлетворение потребности или плата за неудачу в какой-либо деятельности с целью устранения напряжения, причем восполнение недостатка может открывать путь к личностному познанию и развитию истинного Я, к расширению опыта, но в то же время способно вести к уходу от решения проблем, к замещению главного второстепенным, к смещению внимания с основной проблемы на побочную. Этот вывод приложим к самым разным проблемам психического развития, в том числе и к проблеме развития автономии. Компенсация как защитная реакция используется для «отведения» энергии от проблемы, для редукиции напряжения без анализа причин неудачной сепарации, прежде всего – причин, связанных с неорганизованной, дезинтегрированной, диффузной идентичностью подростка, претендующего на автономию, но не знающего того Я, которое к этому стремится. Защитная компенсация сопровождается временным чувством облегчения, ощущением редукиции напряжения. Согласно мнению Марго Водделл, процесс осознания себя и своих эмоциональных состояний включает в себя освобождение от привычных форм защиты, прежде всего от проективной идентификации, и обращение к интроективной идентификации с положительными объектами. Подчеркивая важность процесса интроекции, Водделл указывает на то, что этот процесс неотделим от способности к интимности, которая находит свое проявление в дифференциации и сепарации – двух наиболее важных задачах позднего подросткового возраста.

Компенсация как механизм личностного роста обнаруживается в актуализации творческой энергии и в расширении возможностей личности, связан с ощущением преодоления и с чувством удовлетворенности. Именно чувства, которые сопровождают компенсацию, можно использовать в качестве критерия дифференциации защитной компенсации от компенсации как механизма личностного развития. При достижении подростком некоторого уровня автономии, адекватного условиям его развития, защитная компенсация будет обнаруживать себя в разнообразных девиантных и делинквентных формах поведения, а компенсация как механизм личностного развития – в самостоятельном планировании и выполнении тех видов деятельности, которые являются для подростка ведущими, а также – в переживании удовольствия от участия в них.

Соблюдение всех условий развития подростка в направлении его автономии следует считать скорее исключением, чем правилом, поэтому обращение к анализу проблемы компенсации неудачи в стремлении к сепарации дополняет теоретическую модель сепарации, делает ее более реалистичной и валидной, позволяет выделить показатели (критерии) внутренней сепарации.

Заключение

В зависимости от возраста человека критерии сформированности его автономии, основой которой является процесс сепарации, будут так или иначе меняться. Для подросткового возраста появление в поведении ребенка чувств, реакций, действий, направленных против родительской опеки, поглощения, вторжения, является нормальным проявлением потребности в отделении. М. Малер, комментируя нормальные отношения, установившиеся в диаде «мать–дитя», отмечала, что особая роль матери состоит в поддержании чувства отдельности ребенка, а также в специфическом формировании черт личности, стремящейся к индивидуации, которое происходит путем взаимодополнения, противопоставления, идентификации и разотождествления между Я и Другим (Малер, Пайн, Бергман, 2011).

Основываясь на результатах нашего исследования, учитывая мнение авторского коллектива, работающего над проектом «Внутренняя и внешняя сепарация (автономия) и ее механизмы»¹, мы

1 Авторы статьи благодарят остальных участников проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, – к. п. н. А. К. Рубчен-

обобщили различные проявления сепарации и выделили пять следующих критериев:

1. Целостность Я, т. е. степень дифференцированности представлений о себе, позитивное самоотношение, принятие себя, определенность границ Я.
2. Целостное и непротиворечивое представление о Другом, в частности, целостное представление об отце и матери, принятие Другого, способность видеть в другом человеке личность.
3. Умение адекватно выражать свои чувства, реагировать на ситуацию, проявляя обиду, гнев, агрессию при ограничении самостоятельности; способность эмоционально откликаться на разлуку, критику, неодобрение; умение проявлять чувство автономности, внутренней силы.
4. Отсутствие поведенческих реакций в виде отыгрывания, таких как девиантное поведение, болезни, наркотики, пищевые зависимости, несчастные случаи и др.
5. Способность планировать жизнь без одобрения другого человека, определять временную перспективу, выдерживать ожидание.

Таким образом, начавшись с рождения и продолжаясь всю жизнь, процесс сепарации, проходя новый виток в своем развитии, дестабилизирует устоявшуюся к этому моменту жизненную ситуацию. Невозможность достижения на определенном этапе некоторого уровня собственной независимости, автономии, необходимого для данного возраста и этапа развития, приводит к искажению развития личности на последующих стадиях взросления и тормозит дальнейшее становление личности. Показатели и критерии сепарации позволяют обозначить ориентиры внутренней независимости, дифференцированности и границы личного пространства в соотношении с задачами и потребностями определенного периода жизни.

Литература

- Баттерворт Дж., Харрис М.* Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр, 2000.
- Бержере Ж.* Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001.

ко, к. п. н. Е. В. Кумыкову и аспирантку ГАУГН Ю. А. Латышеву – за участие в обсуждении критериев внутренней сепарации личности.

- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
- Водделл М. Осознание себя: процессы интроекции и способность мыслить // Психоаналитическая психотерапия подростков, страдающих тяжелыми расстройствами. М.: Когито-Центр, 2007. С. 19–42.
- Дольто Ф. Бессознательный образ тела. Ижевск: ИД «Ерго», 2006.
- Жамме Ф. Соединение внутренней и внешней реальности при создании терапевтических условий для подростков, страдающих серьезными поведенческими расстройствами // Психоаналитическая психотерапия подростков, страдающих тяжелыми расстройствами. М.: Когито-Центр, 2007. С. 43–76.
- Кумыкова Е. В. Психологические особенности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста: Автореф. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Лиар Д. Детский юнгианский психоанализ. М.: Когито-Центр, 2008.
- Макушина О. Л. Психологическая зависимость подростков от родителей: Автореф. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
- Малер М., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011.
- Мальши Н. Д. Клинико-психологические характеристики и специфика семейного воспитания девочек-подростков с нарушениями в репродуктивной системе: Автореф. Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004.
- Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983.
- Райская М. М. Особенности психофизического инфантилизма у детей и подростков с синдромом Шерешевского–Тернера // Детская патопсихология. Хрестоматия / Сост. Н. Л. Белопольская. М.: Когито-Центр, 2000. С. 320–329.
- Ранибург Й., Поппер П. Секреты личности. М.: Педагогика, 1983.
- Тайсон Ф., Тайсон Р. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- Харламенкова Н. Е., Стоделова Т. С. Проблема адаптации личности при нормальном и аномальном половом развитии // Современная личность: социальные представления, мышление, развитие в норме и патологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 91–98.
- Шорина Н. М., Тринева О. А. Женский образ у девушек с нарушением менструального цикла // Естествознание и гуманизм:

- Сб. науч. трудов / Под ред. Н. Н. Ильинских. Т. 3. Вып. 2. М., 2006. С. 11.
- Belsky J., Steinberg L., Houts R. M., Halpern-Felsher B. L.* The Development of Reproductive Strategy in Females: Early Maternal Harshness → Earlier Menarche → Increased Sexual Risk Taking // *Developmental Psychology*. Jan. 2010. V. 46 (1). P. 120–128.
- Butner J., Berg C., Osborn P., Butler J., Godri C., Fortenberry K., Barach I., Le H., Wiebe D.* Parent-adolescent discrepancies in adolescents' competence and the balance of adolescent autonomy and adolescent and parent well-being in the context of Type 1 diabetes // *Developmental Psychology*. May 2009. V. 45 (3). P. 835–849.
- Dick D. M., Rose R. J., Viken R. J., Kaprio J.* Pubertal timing and substance use: Associations between and within families across late adolescence // *Developmental Psychology*. Mar 2000. V. 36 (2). P. 180–189.
- Friedman D., Holmbeck G., DeLucia Ch., Jandasek B., Zebracki K.* Trajectories of autonomy development across the adolescent transition in children with spina bifida // *Rehabilitation Psychology*. Feb. 2009. V. 54 (1). P. 16–27.
- Fuligni A.* Authority, autonomy, and parent-adolescent conflict and cohesion: A study of adolescents from Mexican, Chinese, Filipino, and European backgrounds // *Developmental Psychology*. July 1998. V. 34 (4). P. 782–792.
- Harden K. P., Mendle J.* Gene-environment interplay in the association between pubertal timing and delinquency in adolescent girls // *Journal of Abnormal Psychology*. Jun 13, 2011. No Pagination Specified.
- Prinzle P., Stams G., Deković M., Reijntjes A., Belsky J.* The relations between parents' Big Five personality factors and parenting: A meta-analytic review // *Journal of Personality and Social Psychology*. Aug. 2009. V. 97 (2). P. 351–362.
- Soenens B., Vansteenkiste M., Lens W., Luyckx K., Goossens L., Beyers W., Ryan R.* Conceptualizing parental autonomy support: Adolescent perceptions of promotion of independence versus promotion of volitional functioning // *Developmental Psychology*. May 2007. V. 43 (3). P. 633–646.